

12. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – № 5, 1997. – С.102-120.
13. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – М., 1993.
14. Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи: Сборник науч. ст. – Саратов, 2002. – Вып.3. – С. 6-17.
15. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004.
16. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / А. Вежбицка, В.Е. Гольдин и др. Под общ. ред. К.Ф. Седова. – М., 2007.
17. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – М., 2005.
18. Вежбицка А. Речевые жанры / Пер. В.В. Дементьева // Жанры речи: Сборник науч. ст. – Саратов. – Вып.1. 1997. – С. 99-111.
19. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты [Электронный ресурс] // URL: <http://planeta.gramota.ru/gnt-52.html>).
20. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. – №2 (12), 2006. – С. 165-185.
21. Dieter Jörg. Webliteralität. Lesen und Schreiben im World Wide Web. Diss. F/M, 2006. – 191 S. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.webrhetorik.de/Arbeit/arbeit.html>.
22. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М., 1996.
23. Шмелева Т.В. Язык и речь в университетском образовании // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1999, №2. – С. 151-152.
24. Haase M., Huber M., Krumeich A., Rehm G. Internetkommunikation und Sprachwandel. – Institut für Semantische Informationsverarbeitung Universität Osnabrück. 17. Februar 1997 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.uni-giessen.de/~g91063/html/irc/>.
25. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М., 2000. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ivanoff.ru/rus/OZHWEB.htm#>.

O. Usacheva

LOOKING AT THE GENRES OF WEB-COMMUNICATION

Abstract: The subject-of the article is the nature of web-communication stereotypical forms, traditionally called “genres”. The analysis of such notions as “speech / communicative genre”, “communicative situation”, “communicative event” gives the author good grounds for introducing the notion of “format” which empties some particular extra linguistic conditions affecting the process of discourse producing.

Key words: stereotype forms, web-communication, genre, discourse, format.

УДК 81'342.7

Фадеева Т.М.

СЛОЖНЫЙ ЭПИТЕТ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИЦИСТОВ*

Аннотация: В статье рассматриваются структурные особенности и функциональное поле сложных эпитетов, являющихся ключевыми словами в жанрах высокого стиля русской литературы XVIII в. Интересным представляется подход автора к осмыслению проблематики сложного эпитета – знаковой фигуры классицизма как литературного направления XVIII в., а также установление места и роли сложного эпитета в одических произведениях русской литературы.

Ключевые слова: сложный эпитет, язык классицистов, жанр оды, усеченные прилагательные.

Формирование классицизма сыграло в истории развития русского литературного языка, безусловно, значимую роль. Требования, предъявляемые классицистами к содержательной стороне изображаемого, не могли не отразиться на языковых средствах, ее реализующих. Стремление представителей данного направления придать языку своих произведений, прежде всего

* © Фадеева Т.М.

относящихся к «высокому штилю», торжественность и значимость отражалось в использовании различных языковых единиц, и сложный эпитет занимает среди них одну из ведущих позиций. Его активно использовали практически все поэты и писатели XVIII в.: *всевожденный век, полунощные степи, баснотворный Геркулес* (Ломоносов), *сладковонный цвет, благолепотнейший мир, многомошные звери, златовидный солнца луч* (Тредиаковский), *темно-голубой эфир, серебро-розовые светлицы, сафиры-светлые очи* (Державин) и многие другие.

Функционирование сложного эпитета в языке классицистов, и, прежде всего, его употребление в жанрах высокого стиля, начинает характеризоваться личностной спецификой, которая будет в дальнейшие периоды все больше и больше заявлять о себе. Об этом новом витке развития языка литературы писал еще В.В. Виноградов: «Так же, как и в сфере русской прозы, стили литературно-книжной стихотворной речи – до XVIII века не носят глубокого отпечатка художественной индивидуальности, индивидуального начала. Они являются жанровыми или типовыми стилями, связанными с теми или иными видами литературной продукции. В XVIII в. стихотворные стили включаются в систему трех основных стилей классицизма с ее жанровыми подразделениями и играют самую значительную роль в эволюции стилистики классицизма. Индивидуально-художественное начало в стихотворной речи начинает остро пробиваться на сцену литературно-творческой борьбы в произведениях Державина, Радищева, Карамзина, Дмитриева и Капниста» [1: 69].

Однако, как указывал Винокур Г.О., «личный стиль писателя не следует смешивать с объективными свойствами того или иного стиля самого языка» [2: 235]. Язык классицистов, в его жанровом определении, характеризуется общей тенденцией к украшательству и патетичности изложения, а это стремление достигается в ряде случаев именно путем насыщения художественного текста сложными эпитетами. Особенно часто данное средство выразительности встречается в торжественном жанре оды. Вот только употребление сложных эпитетов может демонстрировать особенность индивидуального «наполнения». Так,

М.В. Ломоносов, прибегая к бикорневым композитам определительного характера, в единстве с другими средствами выразительности достигает в описании предметов, особой тональности и величественного пафоса:

*Там мрак божественного гневу
Подвергнул грады и полки
На жертву алчной смерти зеву,
Терзанию хладных руки;
Там слышен вой в окружном треске;
Из туч при смертоносном блеске
Кровавы трупы множат страх.*

(«Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне... декабря 18 дня 1757 года»)

Среди всех единиц особой частотностью употреблений в языке произведений М.В. Ломоносова характеризуются бикорневые композиты с элементом *благо-*: *благословенно время, благословенный брак, час благословенный, благословенное начало, страна благословенна; благовонный фимиам; Мамай благополучной* и ряд других.

Индивидуально-авторской манере А.П. Сумарокова присуще употребление сложных эпитетов не только с целью придания слогу особой торжественности, что обусловлено самим жанром оды, но и для усиления абстрактности, некоей отвлеченности определяемого предмета или явления:

*Чистейший бурный огонь, лампада
перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся стремленьем
быстротечным,
Висяща в широте пустой!*

(«Гимн о премудрости Божией в солнце», 1760)

Классицизм заявил о себе не только строго регламентированным жанром оды. Определенные требования к языковым средствам предъявляли и другие жанры. Среди таковых можно назвать, например, сатиру. Литературная деятельность Кантемира обогатила русскую литературу образцами сатиры, однако в языке его произведений данного жанра сложный эпитет встречается крайне мало. Не продуктивен

он и в сатирах А.П. Сумарокова.

В.К. Тредиаковский стоит у истоков русской одической традиции. Однако говорить о специфике употребления сложных эпитетов в языке произведений данного автора несколько затруднительно, ввиду эволюции его взглядов на славянизмы, так продуктивно включающиеся в качестве компонентов сложных эпитетов в жанре оды. Высокий жанр диктовал строгий подход к отбору языкового материала, и сам поэт отмечал этот факт: «Ода не терпит обыкновенных народных речей: она совсем от тех удаляется и приемлет в себя токмо высокие и великолепные» [3: 456]. Следуя, жанровым требованиям, поэт создает такие образы: *дар вседражайший, трубы громогласны, богини доброзрачны, брег чужестранный, благостройна лепота.*

Функционирование в языке классицистов сложных эпитетов вариантного порядка, то есть таких единиц, компоненты которых являют собой старославянизм или его русский эквивалент, демонстрирует определенную закономерность. Как подчеркивал Винокур Г.О., «высокий стиль языка в этой литературе имеет своим источником не эмоциональное, а рассудочное отношение к слову» [2: 236]. Эпитет с русскими по происхождению компонентами определяет конкретный предмет, имеющий отношение к частной жизни, к определенному субъекту или явлению. Образ же, включающий в себя старославянский элемент, передает более общее значение, он определяет понятие объективного порядка. Так, например, Г.Р. Державин в оде «Фелица» (1782) употребляет эпитет *благотворящая душа*:

*Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.*

Контекст позволяет подтвердить более значимое, общее понятие, отраженное в эпитете. *Благотворящая* – от сочетания *творить благо*. Речь идет не об индивидуальной значимости действия для конкретного субъекта, его производящего. Ту же картину мы наблюдаем в контексте произведения «Бог» (1784), где употребляется сложный эпитет подобной структуры:

*Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.*

Сопоставление же композит со старославянским элементом с его русским по происхождению вариантом, включающим компонент – *творный*, позволяет увидеть различие в семантическом наполнении слова:

*Он спал – и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски...*

(«Водопад», 1791-1794)

Единица *чудотворный* развивает более частное значение.

Эпитеты украшающие в трактовке, данной еще античными риториками, – это эпитеты классицизма, они не вносят нового признака в определяемое понятие, а в ряде случаев лишь выполняют эстетическую функцию. Именно она и обусловила односторонность и некую схематичность в изображении героев, предстающих в языке произведений классицистов.

«Реальность изображаемого мыслилась не как эмпирическая реальность конкретных предметов, а как концептуальная реальность вечных и объективно данных идей», – определил специфику языка классицистов Гуковский Г. в своей работе «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в.» [4: 238].

В поэзии XVIII в. композитные эпитеты используются в форме усеченных прилагательных. «Старое именное склонение прилагательных в русском языке было утрачено как цельная грамматическая категория еще в средневековый период и уже в XVII веке во всяком случае существовало лишь в виде отдельных пережитков... новая книжная поэзия (отчасти и проза) XVIII века охотно пользовалась как архаизмами, заимствуемыми из церковнославянской традиции, или как «вольностями», формами, которые представляли собой старые именные формы, а в некоторых случаях были вновь созданы по подобию старых именных форм, путем отсечения местоименного окончания у так называемых полных форм», – отмечает Г.О. Винокур. [2: 252]. Такие усеченные формы позволяли поэтам выбирать вариант одного и того

же слова из неравносложных форм, который соответствовал конкретному стиху.

Лишенные стилистической окрашенности в произведениях разных жанров, эти единицы во второй половине XVIII в. постепенно становятся приметой высокого стиля. Так, например, в языке произведения Г.Р. Державина такие единицы функционируют довольно активно: *стремленья водоточны, лучи животворящи, благодарны слезы, белолика зима, осень златовласа, черно-багрова буря, Колхида златорунна, грудь краснобела, бело-румяны персты* и многие другие. Определять данные единицы как сложные прилагательные в краткой форме неоправданно, так как в их составе мы можем наблюдать как качественные прилагательные, так и относительные. Логичнее было бы называть их усеченными. Для языка классицизма употребление сложные эпитетов, выраженных усеченными прилагательными, – явление достаточно типичное. Все эти и подобные им единицы в художественном тексте выполняют функцию определения, придавая объекту эпитетации стилистическую маркированность.

Таким образом, сложный эпитет в языке литературы XVIII в. играет существенную роль. Он становится жанровой приметой языка поэзии. Сложный эпитет еще не является стилевой приметой языковой личности, однако именно в XVIII в. уже наметились определенные индивидуально-авторские тенденции в его использовании.

УДК 81' 373

Шихова Т.М.

ЭВРИСЕМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ: ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ*

Аннотация: Предпринята попытка осмысления эврисемичности фразеологического значения как фразеосемантической категории. Рассмотрены особенности отражения эврисемичности в языке и речи на примере фразеологизма *запретный плод*. Особенности окказионального переосмысления исходного образа фразеологизма

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 252 с.
2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991. – 448 с.
4. Гуковский Г. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в., Л, 1939. -
3. Третьяков В.К. Письмо... от приятеля к приятелю (о сочинениях Сумарокова) // Сб. материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 456.

Т. Fadeeva

COMPOUND EPITHETS IN LANGUAGE OF WORKS OF CLASSICISTS

Abstract: The article is devoted to the consideration of structural peculiarities and functional sphere of compound epithets, which are the key words in the high style's genres of Russian Literature of the XVIII century. Author's approach is interesting to the interpretation of compound epithet's problem – the significant figure of classicism as a literature's tendency of the XVIII century, and also place establishment and role of the compound epithet in odic works of Russian Literature.

Key words: compound epithet, language of classicists, the ode genre, the truncated adjectives.

проанализированы на материале стихотворения М. Цветаевой «Сахара».

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическое значение, эврисемичность, употребление, актуализация, исходный образ, внутренняя форма, переосмысление, окказиональное преобразование.

* © Шихова Т.М.